

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЦИМЛЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА ПО РАСКОПКАМ 2006–2021 гг.

© 2023 г. В. С. Флёров*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: valerij-flyorov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 16.01.2023 г.

После доработки 23.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

Правобережное Цимлянское городище – белокаменная крепость, обреченная на уничтожение Цимлянским водохранилищем. По расчетам специалистов по переработке его берегов, крепость исчезнет за ближайшие 75 лет, а стабилизация берега произойдет за 200 и даже более лет. Представлены итоги раскопок 2006–2021 гг. на протяжении 56 м восточной крепостной стены и башни IV, возведенных из блоков белого известняка, уложенных на основание из плит ракушечника и песчаника. Деревянных столбиков, как и на южном углу крепости, под стеной не оказалось. Местоположение башни соответствует плану 1743 г. И. Сацыперова. Предложены два варианта ее реконструкции. Уникальная особенность многих блоков – декор в виде прямой и косой сетки. Обнаружен ряд строительных материалов византийского происхождения, в том числе керамида и калиптеры, керамическая плитка. Открыто очередное типичное для крепости юртообразное жилище № 50. Принципиальное значение имеет его примыкание к внутреннему фасу крепостной стены. Ранее у внутреннего фаса найдены еще два жилища, но ни одного под стеной. Данное обстоятельство ставит под сомнение не поддержанную М.И. Артамоновым гипотезу С.А. Плетнёвой о существовании на месте крепости более раннего поселения.

Ключевые слова: Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, Нижний Дон, крепости, юртообразные жилища.

DOI: 10.31857/S0869606323030108, **EDN:** PVFCJY

В 1996 г. в журнале “Российская археология” появилась обобщающая статья о проблемах изучения Правобережного Цимлянского городища (Флёров, 1996). Ранее были изданы результаты его раскопок в 1987, 1988, 1990 гг. (Флёров, 1994). То были первые раскопки после работ на городище С.А. Плетнёвой в 1958, 1959 гг. Тогда процесс разрушения восточной стороны городища Цимлянским водохранилищем (заполнено в 1952 г.) только начинался. Опасений за дальнейшую судьбу городища еще не возникало. Не высказывала его и Плетнёва, рассеявшая свои раскопы во всей площади памятника, кроме как у берегового обрыва (рис. 1). Вероятно, и создатели водохранилища не задавались вопросом о перспективах переработки его берегов. Сегодня установлено, что водохранилище полностью уничтожит выдающийся памятник археологии минимум за 70 лет. Предотвратить его гибель невозможно, так как становление постоянных берегов прогнозируется лет через 200 (Флёров, 2020. С. 342, 345–351).

В 2003 г. автор данной статьи приступил к мерам скорости продвижения кромки обрыва.

Было установлено, что средняя годовая скорость обрушения равна 0.60 м.

Как бы ни хотелось вслед за И.И. Ляпушкиным (1940. С. 58–62) и С.А. Плетнёвой продолжать работы внутри городища, но к 2005 г. пришло осознание необходимости сменить стратегию раскопок. Отныне их следовало сосредоточить исключительно вдоль обрушающейся восточной стороны городища протяженностью около 175 м (рис. 2, 1).

Проблемой стал выбор места раскопа. Его определили показавшиеся в обрыве несколько плит основания крепостной стены. Позднее оказалось, что плиты принадлежали уже наполовину рухнувшему в обрыв основанию башни IV.

Раскопки начались в 2006 г. Понимая, что опередить процесс обрушения немыслимо, было принято решение вести их без спешки с соблюдением действующих норм методики раскопок.

Работы в крепости уже отражены в полутора десятках тематических публикаций об истории ее исследований, периодизации и хронологии, реконструкции плана, керамидах и т.д. (из недавних: Флёров, 2020; 2021а; б; 2022). В ежегоднике

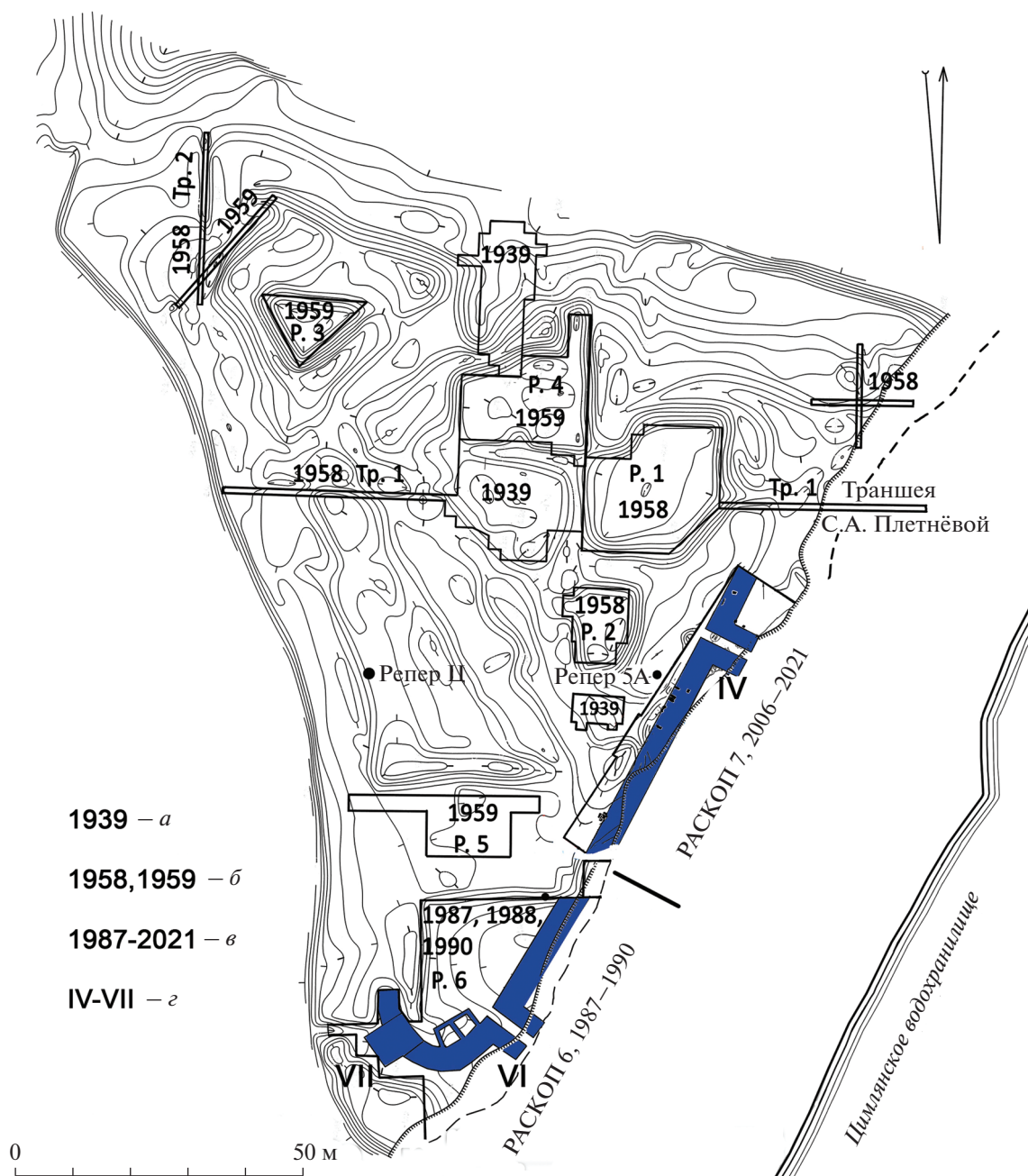

Рис. 1. Правобережная Цимлянская крепость. Синим-tonирована реконструкция стен и башен по раскопкам до 2022 г. Условные обозначения: а – раскопы И.И. Ляпушкина; б – раскопы С.А. Плетневой; в – раскопы В.С. Флёрова; г – башни).

Fig. 1. The right-bank Tsimlyansk fortress. The reconstruction of walls and towers based on excavations conducted before 2022 is tinted in blue. Symbols: а – excavations by I.I. Lyapushkin; б – excavations by S.A. Pletneva; в – excavations by V.S. Flerov; г – towers

“Хазарский альманах” с 2020 г. появилась рубрика “Исследования Правобережного Цимлянского городища”.

Ниже кратко излагаются результаты раскопок с 2006 по 2021 г. на новом раскопе 7. Их объектом стал участок основания восточной стены протя-

женностью 32 м и башни IV (рис. 2, 2). Основание сохранилось фрагментарно и только в кв. 8 – на всю ширину. В кв. 6, 7 оно обрушилось наполовину, южнее – полностью. Но и при такой сохранности направление стены реконструировано с большой точностью. От кладки стены сохранились лишь несколько блоков.

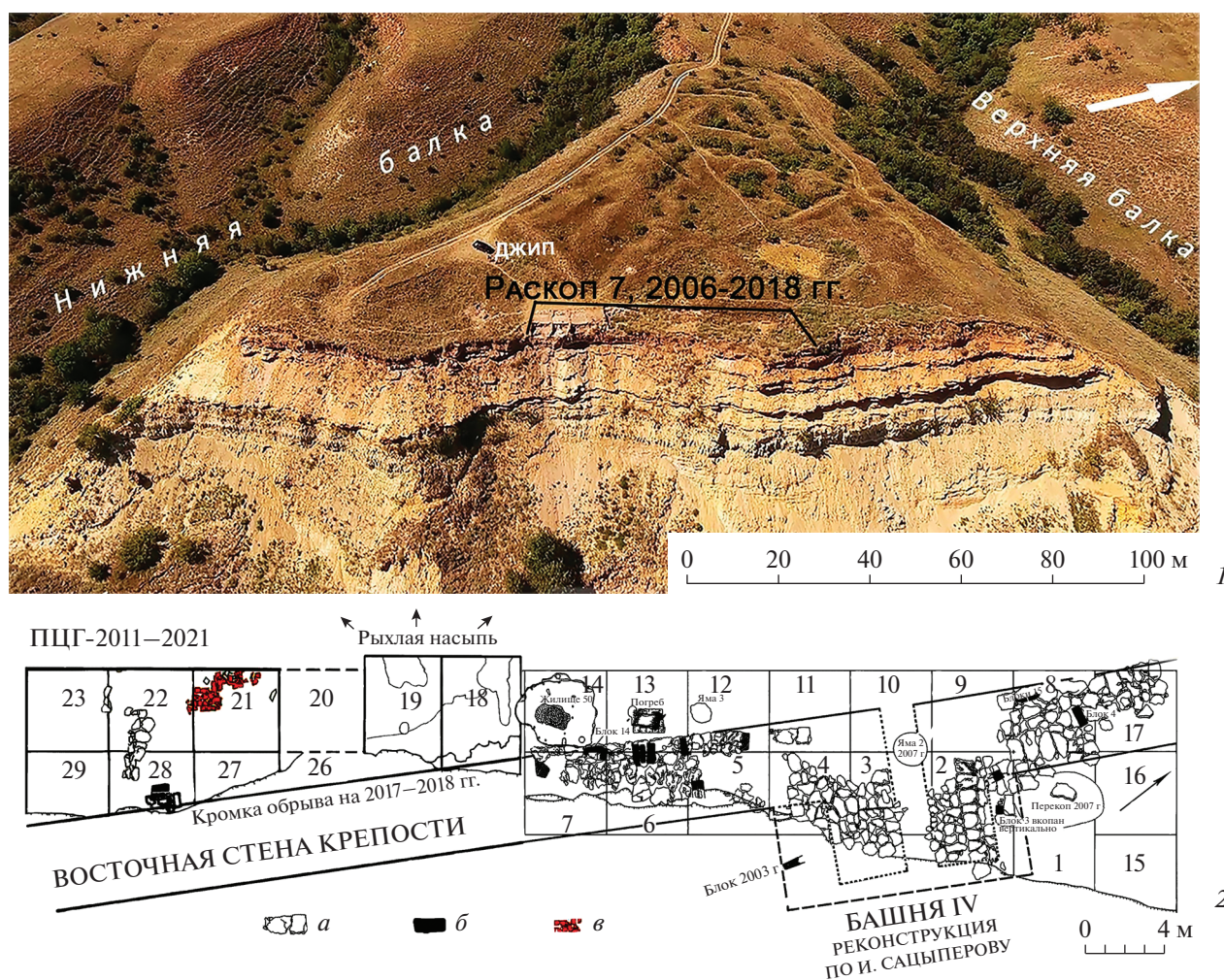

Рис. 2. Правобережная Цимлянская крепость. 1 – вид со стороны Цимлянского водохранилища; 2 – раскоп 7. Условные обозначения: а – плиты основания стены; б – блоки; в – кирпичи.

Fig. 2. The right-bank Tsimlyansk fortress. 1 – view from the Tsimlyansk reservoir; 2 – excavation site 7. Symbols: a – slabs of the wall base; б – blocks; в – bricks

Конструкция стен. Крепость возведена не на освобожденном от дерна глинистом “материке”, как можно было ожидать и как было в Саркеле (Раппопорт, 1959. С. 21. Рис. 14), а на рыхлом, песчаном слое поселения бронзового века. Осторожно предположу, что это обстоятельство привело к решению поставить стены и башни крепости на основание из плит песчаника и ракушечника (рис. 3, 1). Не исключено, что эта технология принесена со стороны. Плиты укладывались в заранее подготовленное ложе, соответствующее толщине стен – 4.20 м. По данным И.И. Ляпушкина их толщина стен от 4.0 до 4.8 м (1940. С. 62). Мощные пласты песчаника обнаружены в балке в 100 м севернее городища. Стоит обратить внимание на то, что основание из плит не является фундаментом, который предполагает заглубление в подстилающий грунт. На отсут-

ствии фундаментов под стенами и одной из башен крепости указывал еще И.И. Ляпушкин (1940). В целом в Хазарском каганате фундаменты не обнаружены ни под крепостными стенами и башнями, ни под иными сооружениями. Плиты размерами в поперечнике от 0.30 до 1.00–1.20 м доставлялись на место строительства в том же бесформенном виде, в каком добывались и не подвергались ни малейшей дополнительной обработке. Толщина плит от 10 до 30 см. Все-таки старались подбирать в кладке соседящие плиты близкой толщины.

Различие в толщине компенсировалось тем, что под тонкие плиты подсыпали крошево того же ракушечника и песчаника. Под толстыми – ложе углубляли. Но для полной стабилизации кладки этого было недостаточно. Если же учесть, что плиты лежат на едва подчищенной поверхности рыхлого подстилающего слоя, то положение

Рис. 3. Правобережная Цимлянская крепость. 1 – плиты основания крепостной стены, вид с севера, кв. 9, 10, 2009 г.; 2 – мелкие камни-вставки между плитами (помечены белыми точками), 2007 г.

Fig. 3. The right-bank Tsimlyansk fortress. 1 – slabs of the base of the fortress wall, the north view, sq. 9, 10, 2009; 2 – small stones-inserts between the slabs (marked with white dots), 2007

каждой, а в целом и всего основания, получалось весьма шатким.

Решение проблемы создания устойчивого основания нашли в простом строительном приеме. Все стыки и швы между плитами самым тщательным образом заполнялись вставкой мелких обломков песчаника и ракушечника, щели забивали крошечным тех же пород и белого известняка, оставшимися при обработке блоков. Вставки тщательно подбирали по размерам и форме. Для узких щелей шли узкие, для треугольных – треугольные. Часто результат достигался заполнением большой лакуны между плитами несколькими вставками-камнями (рис. 3, 2).

Наконец, вставные камни и камешки были не просто положены или брошены между плитами, но буквально вбиты, заклиниваясь между плитами и между собой, а по всей сети швов произведена самая тщательная трамбовка. В итоге основание стен превращалось в монолит. Становится

понятным, почему не тратили время на придание плитам правильной формы. Намного рациональнее дополнить их вставками с последующей трамбовкой. По нивелировочным отметкам установлено, что различия в залегании плит составляли от 1 до 3 см, изредка – до 4–5 см. Окончательно же горизонтальность кладки плит достигалась еще одним приемом: поверхность готового основания засыпалась известняковым (белым) крошечком, которое окончательно заполняло все оставшиеся впадины над слишком низко лежащими плитами. Таким образом, основание стен и башен крепости было весьма продуманным, а не столь примитивным и ненадежным, как может показаться при беглом взгляде на него.

Башня IV. Участок основания восточной крепостной стены, к которому она примыкала, не сохранился (рис. 4, 1). Из двух стен башни в лучшем состоянии основание северной боковой, сооруженное двумя типами кладки, разделенными продольным строго прямым “швом” (рис. 4, 2).

Плиты к северу от шва из красноватого песчаника относительно ровные, выделяются большими размерами: 125 × 75; 110 × 75; 90 × 65; 85 × 70; 70 × 75; 75 × 50; 75 × 40; 65 × 60; 65 × 50 см. В следующем за ними к северу ряду преобладают узкие плиты, перекрывающие швы между большими. Далее к северу на стыке северной стены башни с основанием крепостной стены кладка уже иррегулярная, но заметно стремление подгонять плиты по конфигурации.

Противолежащая стена башни, к югу от шва, сохранилась хуже (рис. 4, 1). Здесь картина иная. Во-первых, изменился материал плит, преобладают плиты из ракушечника. Во-вторых, используются плиты, значительно меньшие по размеру. Крупными размерами выделяется лишь одна – 110 × 45 см. Прочие не превышают в поперечнике 50–70 см. Подогнаны друг к другу менее тщательно, что, впрочем, компенсировалось вставками между ними мелких камешков.

Реконструкция основания башни IV. Между северной и южной группами плит имелось свободное пространство в виде продольного корытообразного углубления в 20 см и шириною до 1.5 м. Был ли это проход, вымощенный плитами, которые были извлечены казаками в XVIII в., сказать трудно. Для сравнения – башня VI имела выложенный блоками ракушечника проход почти такой же ширины, и эти блоки также исчезли, за исключением нескольких на выходе из нее (Флёров, 1994. С. 493. Рис. 2, 2). Мало того, в настиле прохода использовали обработанные плиты черного сланца. Не такими же блоками был выложен проход в башне IV? Объективных данных для убедительного ответа нет, но в предлагаемых ниже двух вариантах реконструкции плана башни возможность существования в ней прохода учтена.

ПЦГ-2006–2010 г.

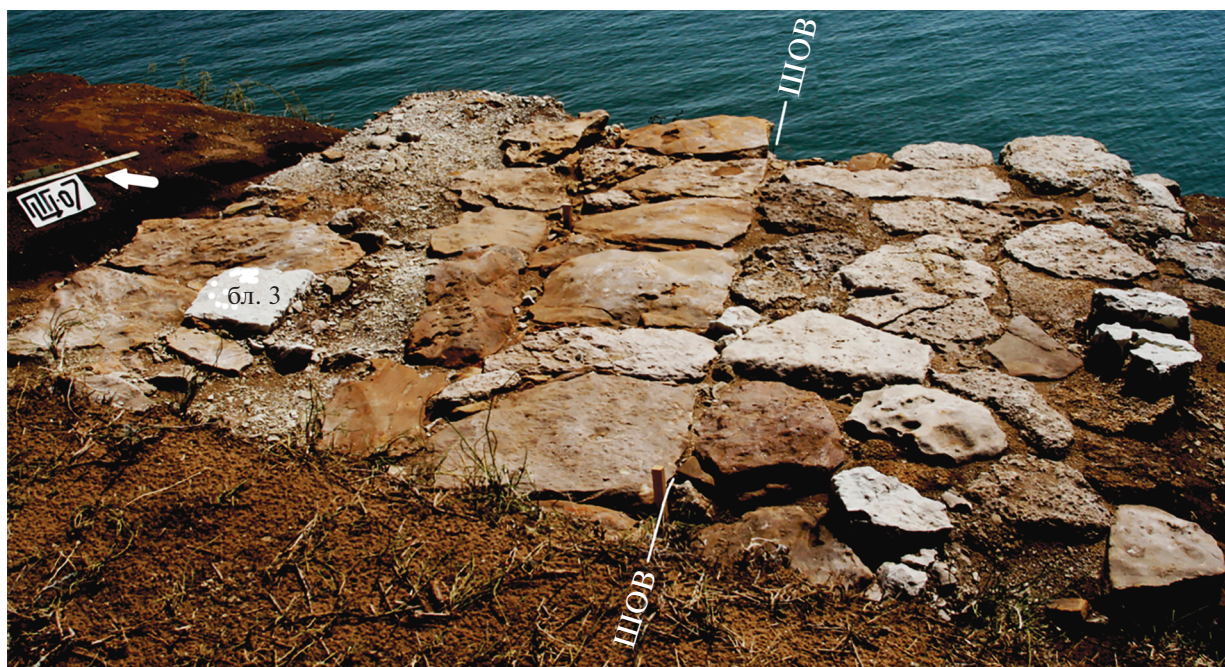
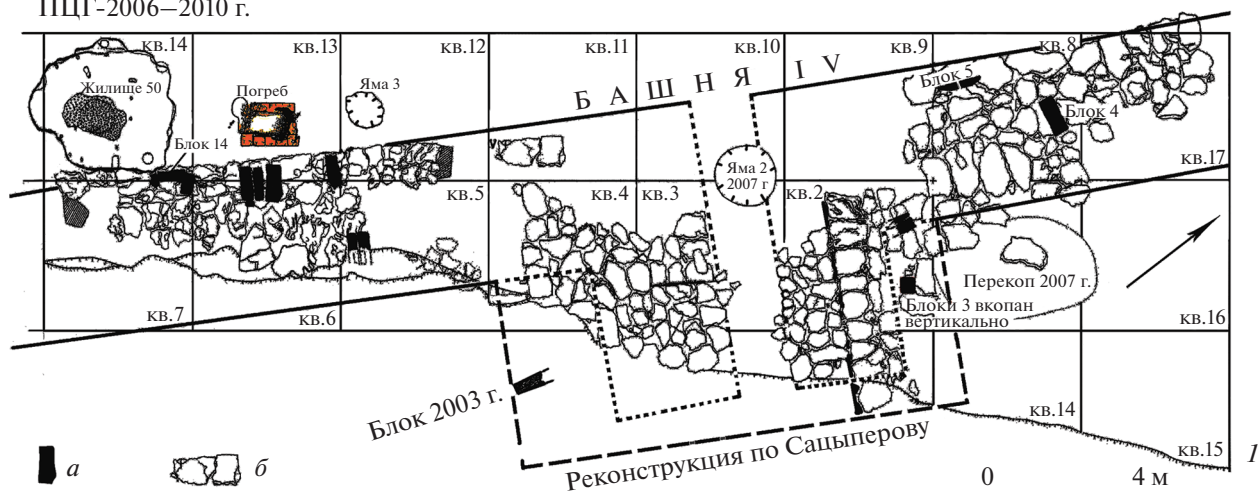

Рис. 4. Правобережная Цимлянская крепость. 1 – башня IV и два варианта ее реконструкции. В кв. 13, 14 юртообразное жилище № 50 и погребок с облицовкой сырцовыми кирпичами. Условные обозначения: а – блоки, б – плиты основания стены; 2 – северная стена башни, два вида кладки разделены продольным “швом”, вид с востока (крепостная стены заслонена бортом раскопа).

Fig. 4. The right-bank Tsimlyansk fortress. 1 – tower IV and two variants of its reconstruction. In sq. 13, 14 yurt dwelling No. 50 and a cellar lined with mud bricks are located. Symbols: a – blocks, б – slabs of the wall base; 2 – northern wall of the tower, two types of masonry are separated by a longitudinal “seam”, the east view (the fortress wall is obscured by the excavation site wall)

В первый вариант, малый (изображен точками на рис. 4, 1), включены плиты, которые с полной уверенностью относятся к основанию башни. При этом за пределами башни оказывались плиты и два блока в углу между башней и крепостной стеною, в том числе блок № 3 (на рис. 4, 1 тонирован красным). За пределами реконструкции оставался и блок 2003 г. с южной стороны башни.

Второй, большой вариант реконструкции (изображен прерывистыми линиями), охватил указанные плиты и блоки, в результате чего башня получила другие очертания – значительно расширилась. В первом варианте реконструкции размеры башни – длина не менее 10 м, ширина вдоль крепостной стены 8.5 м. По второму варианту длина не менее 10 м, ширина 12.5 м. Ширина

прохода, если он существовал, в обоих вариантах примерно 1.5 м.

Более реалистичным представляется большой вариант. Не слишком надежными, но дополнительными аргументами в его пользу, являются пропорции и размеры башни IV на плане И. Сацыперова (Флёров, 1994. С. 492. Рис. 1, 1)

С раскопками башни IV выявлена вся череда сохранившихся башен на восточной стене крепости и на ее южном овале (Рис. 1). Местоположение угловой северо-восточной башни III, также указанной на плане И. Сацыперова, вроде бы определила С.А. Плётнева раскопом в форме креста (1994. С. 277). Не исключено, что остатки этой башни уже обрушились. Обозначенная на плане И. Сацыперова башня V, располагавшаяся на отрезке стены между башнями IV и VI, не сохранилась к началу раскопок на городище в 1987 г., она также рухнула в обрыв. Предположительно стояла против квадратов 27–29 (рис. 2, 2). К ней примыкала стена какой-то постройки, от которой остались два блока в кв. 28. Совершенно не обследованной остается западная стена крепости. Это дело далекого будущего.

Блоки. В отличие от южного угла крепости, где найдены даже кладки блоков (Флёров, 1994. С. 493–497. Рис. 2–6), на раскопе 7 оказалось всего 14 блоков разной сохранности (рис. 4, 1). Полностью сохранился один – блок 4 в кв. 8, некоторые целые растрескались и рассыпались после расчистки. От других дошли обломки *in situ*. Замеры блоков из раскопок 2006–2009 гг.:

Блок № 1/2007 – длина более 53, высота 33, ширина 22.5 см.

Блок № 2/2007 – сохранился плохо, примерно равен блоку №1.

Блок № 3/2007 – сечение 42×38.5 см (о нем см. ниже).

Блок № 4/2008 – $100 \times 38 \times 36$ см (самый большой на раскопе 7).

Блок № 7/2009 – длина более 50, высота 39–41, ширина 30 см.

Блок № 8/2009 – длина более 50, высота 41, ширина 28 см.

Блок № 9/2009 – длина более 50, высота 37–39, ширина 38 см.

Блок № 11/2009 – длина более 70, высота 42, ширина 35 см.

Блок № 12/2009 – длина более 60, высота 40, ширина 30 см.

Блок № 13/2009 – длина более 60, высота 40 см, ширина 28 см.

Перечисленные форматы блоков типичны для Правобережной крепости.

Уникален по расположению блок 3, вмонтированный вертикально между плитами под их общий уровень на северной стороне башни IV в кв. 2 (рис. 4, 1, 2). Его сечение 42×38.5 см. Как глубоко он уходил вниз, осталось неизвестным. Извлечь его не удалось. При очередном обрушении в межсезонье раскопок блок 3 вместе с соседними плитами рухнул с обрыва.

О назначении столь необычно расположенного блока судить трудно, нужны аналогии в более понятных обстоятельствах. Во всяком случае, в основаниях башен VI, VII и куртин на южном углу крепости такого не было.

Врезной декор на блоках. Впервые обнаружен в крепости И.И. Ляпушкиным, не придавшим своему открытию какого-либо значения и издавшим его рисунки в разделе “Обработка камня”. Из найденных видов, по его выражению – “орнаментов”, он назвал “ромбы, квадраты и т.п.” (Ляпушкин, 1958. С. 134. Рис. 24). Правильнее говорить о сетках с косыми и прямыми ячейками.

Значение открытия И.И. Ляпушкина возросло с обнаружением в ходе наших раскопок нескольких десятков фрагментов блоков с аналогичным декором (типичные образцы на рис. 5).

Поиски аналогий привели к следующему. Сплошного нанесения на одну их сторон блоков декора правобережно-цимлянского типа, теперь его можно называть так, не оказалось ни в одной из каменных крепостей Хазарского каганата, кроме расположенной в километре от Правобережной крепости Камышино. На берегу водохранилища у ее подножья был поднят фрагмент блока с “сеткой” из прямоугольных ячеек, аналогичных правобережному декору.

Блоки Маяцкой крепости несут на себе множество врезных изображений животных и сюжетных сенок, знаков строителей¹ (Плётнева, 1984. С. 57–94; Нахапетян, 1988. С. 91–105; 1990, С. 41–91).

Много врезных изображений и целых сюжетных панно на блоках открыто в Первом Болгарском царстве, особенно в Плиске (Шкорпил, 1905. С. 260; Михайлов, 1985. С. 49, 58–60, 63, 116, 117; Аспарухов, 1984. С. 129; Балабанов, 1985. Обр. 20; Лисицов, 1985. С. 200–206; Михайлова, 1985. С. 79–113; Овчаров, 1997. С. 19–35).

В крепости Хумара декорирования блоков врезными сетками нет, нет и врезных фигурок людей и животных. Репертуар изображений в Ху-

¹ Перед началом раскопок Правобережной крепости сотрудники и рабочие экспедиции были ориентированы на поиски изображений и знаков именно маяцких типов. Просматривались буквально все обломки блоков. В итоге и было установлено, что нет никаких иных изображений, кроме врезного декора. Не оказалось и процарапанных рунических надписей.

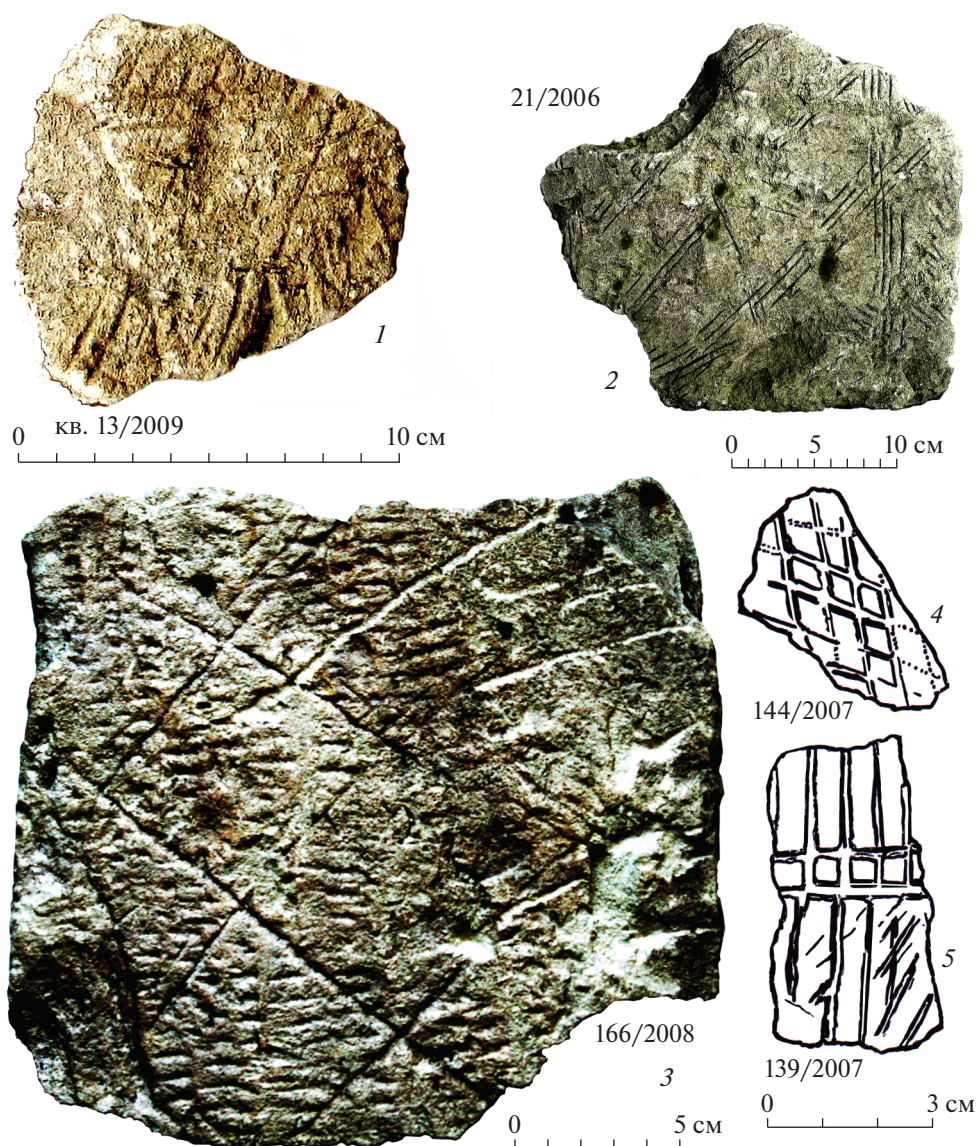

Рис. 5. Основные виды врезного декора на блоках Правобережной Цимлянской крепости.

Fig. 5. The main types of incised décor on the blocks of the right-bank Tsimlyansk fortress

маре скуден, преобладают двузубцы и трезубцы (Биджиев, 1983. С. 83–93. Рис. 51).

Не известны врезные изображения и в крепостях Северского Донца².

Сплошной врезной декор стал отличительным признаком ниже-донской каменной фортификации, представленной двумя соседними крепостями – Правобережной Цимлянской и Камышиной. Единообразие декора подтвердило их синхронность.

² Благодарю за консультацию коллегу из г. Харькова Геннадия Евгеньевича Свистуна.

Юртообразное жилище № 50 – одно из важнейших открытий на раск. 7. Расположено в кв. 14 вплотную к основанию восточной крепостной стены (рис. 6; 7, 1). Размеры его котлована по верхней кромке: СЮ – 3.30 м, ВЗ – 3.40 м. Глубина от уровня обнаружения более 40 см. Котлован можно было бы формально назвать круглым, если бы не ломаная линия плана, что связано с тем, что он выкопан в мягком слое эпохи бронзы. Его контур мог терять правильные очертания уже при использовании жилища.

Пол жилища ровный, без обмазки, с натоптанным темным слоем толщиной до 3 см.

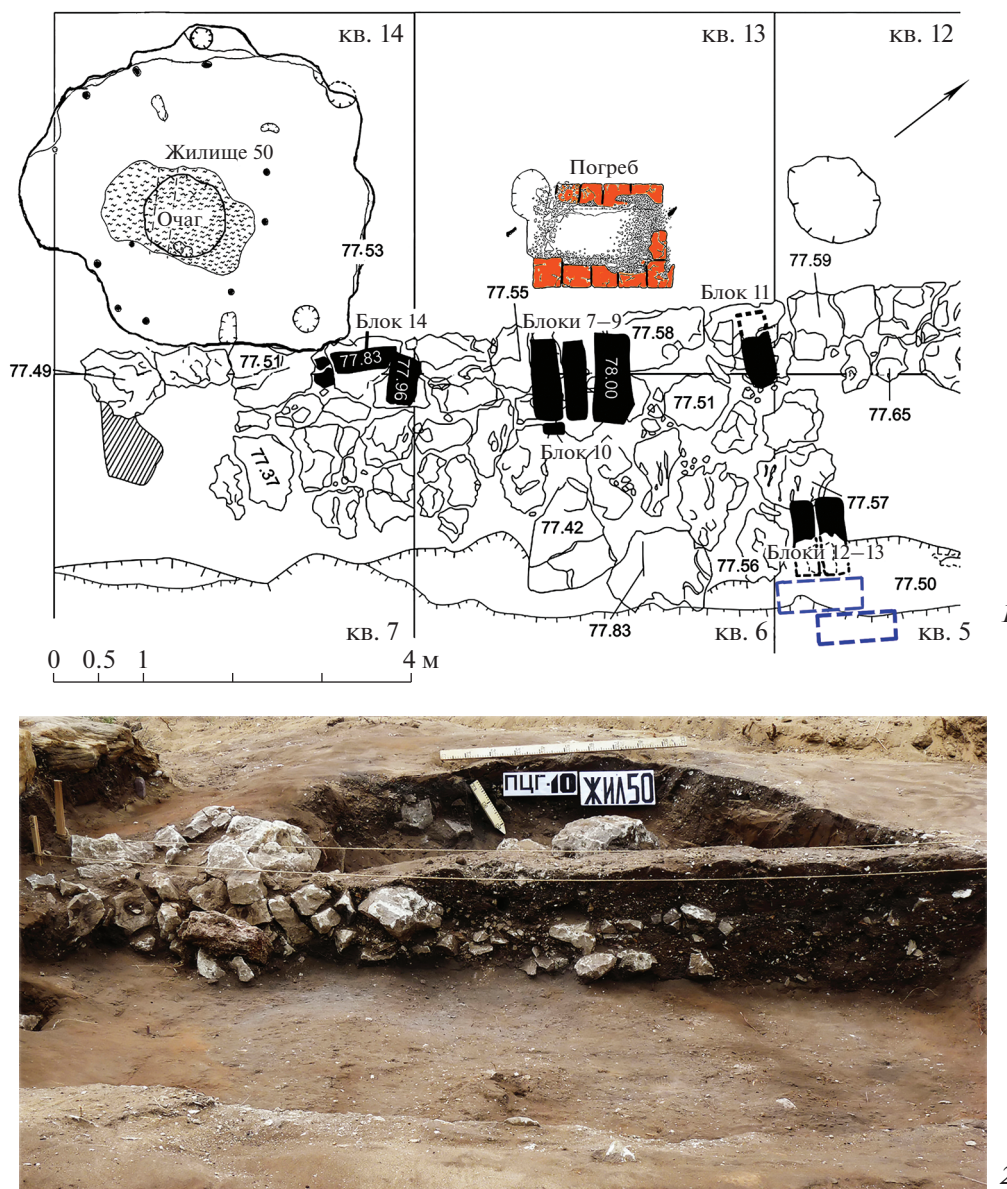

Рис. 6. Юртообразное жилище № 50 и погребок с облицовкой сырцовыми кирпичами. 1 – фрагмент плана раскопа 7; 2 – стратиграфия заполнения жилища.

Fig. 6. Yurt dwelling No. 50 and a cellar lined with mud bricks. 1 – a fragment of excavation site 7 plan; 2 – stratigraphy of the filling from the dwelling

В центре очаг-“тарелка” диаметром 90 см, глубиной 13 см. Его дно и прилегающее пространство прокалены до красно-оранжевого цвета. Заполнен серебристо-серой золою, распространившейся и вокруг очага.

Вход-спуск в жилище находился на южной стороне. Его пологий пандус хорошо выделяется на разрезе АБ (рис. 7, 1), при том, что стенки котлована, хотя и не вертикальные, но довольно крутые. Вход не мог располагаться с востока – здесь крепостная стена. Северная стенка особенно кру-

тая, а размещению входа с западной стороны мешали столб диаметром 18 см и жердь, от которой осталась лунка диаметром 10 см.

Лунки каркаса по размещению и размерам составляют функциональные группы (рис. 7, 1). Основная – семь лунок вдоль стен, круглые или эллипсовидные, диаметром до 10 см и глубинами от 5 до 16 см. Необъяснимо отсутствие таких лунок у северной стенки котлована. Не исключено, что они пока не найдены. Нет объяснения и тому, что лунки опор данного жилища, как и всех прочих в

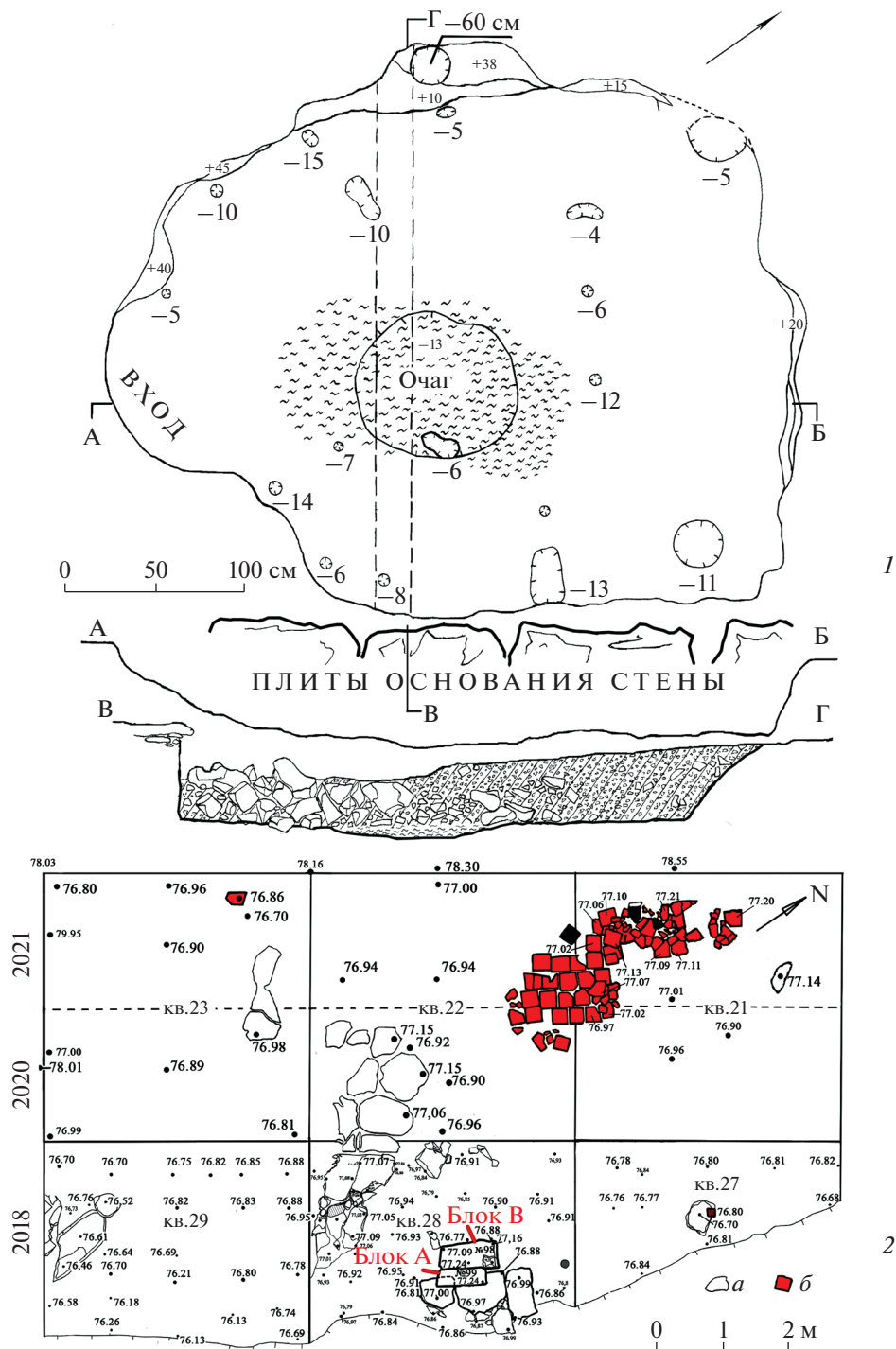

Рис 7. Правобережная Цимлянская крепость. 1 – юртообразное жилище № 50; 2 – кирпичная вымостка жилища, 2011 г. Условные обозначения: а – плиты; б – кирпичи.

Fig. 7. The right-bank Tsimlyansk fortress. 1 – yurt dwelling No. 50; 2 – brick paving of the dwelling, 2011. Symbols: a – slabs; б – bricks

крепости, очень мелкие. Глубина лунки в 60 см от столба, стоявшего за северным контуром жилища, – редкое исключение.

Следует сказать о методике поиска и расчистки лунки. Основная трудность – в неумении отличать лунки по степени наклона и заполнению

от ходов мелких землеройных животных³. Их ходы, как правило, наклонные и уходят на большую глубину. Лунки вертикальны, чаще не более 20 см в глубину. К результатам расчистки следует относиться критично. Так очевидно, что при раскопках С.А. Плетнёвой в ряде жилищ за лунки было принято множество ходов животных. На чертежах этих жилищ невозможно разобрать какие лунки настоящие, какие — результат ошибок при раскопках (Плетнёва, 1994. Рис. 15, 2; 18; 21–25).

Заметно выделяются у стен три крупные лунки диаметром до 30 см. Две из них, круглые, глубиной 5 и 11 см, находились на северо-западе и северо-востоке. Возможно, они поддерживали северный сектор стен жилища, исключая тем самым необходимость здесь тонких опор. Внимания заслуживает круглая лунка на западе котлована — самая глубокая из всех — не менее 60 см глубиной, единственная уходящая под стенку котлована чуть наклонно. На противоположной стороне котлована подпрямоугольная лунка сечением 18 × 30 см при глубине всего в 13 см. Возможно, они образуют функциональную пару.

Следующая группа из четырех маленьких лунок с глубинами 6, 12, 5 и 7 см со стенами жилища не связана. Они охватывали очаг с востока. Возможно, в их число следует включить и лунку с очертаниями боба глубиной в 4 см.

Более крупная удлинённая в плане лунка 10 × 25 см при глубине 10 см находилась к западу от очага. Аналогичная глубиной 6 см оказалась непосредственно на восточном краю очага в области горения. Вероятнее всего она зачем-то была необходима до устройства очага. Такой же временной была самая маленькая лунка в 20 см к югу от очага около золистого пятна. Ее глубина 7 см.

О конструкции стен и крыши. Находок, содержащих информацию об этом, не найдено. Следует отметить, что рассчитывать на находки деревянных деталей (если они не обгорели; ср.: Плетнёва, 1994. С. 287) не приходится — органические и растительные материалы на городище сохраняются плохо. Нет следов пожара. Не исключено, что детали каркаса жилища были увезены. Реконструировать жилище по оставшимся лункам невозможно.

Заполнение котлована жилища. Его исследование было уделено особое внимание с учетом опыта моих первых не очень совершенных раскопок жилищ в 1988 г. на южном раскопе 6. Основной состав заполнения в жилище № 50 — супесь. Обломки блоков распространены по всему объему котлована, но более концентрировано в половине, примыкавшей к внутреннему фасу крепостной стены. Перпенди-

кулярно основанию крепостной стены была оставлена стратиграфическая бровка (рис. 6, 2; 7, 1 — разрез ВГ).

Важно отметить, что между массивом обломков блоков, среди которых были и очень крупные, и полом жилища все-таки была тонкая, в пределах нескольких сантиметров, прослойка супеси. Непосредственно пола касались лишь немногие обломки. Иначе говоря, они не падали с большой высоты в процессе одновременного разрушения стены. Целых же блоков, как и их половинок, вообще в заполнении не было. Создается впечатление, что куски блоков попадали в котлован не при одноактном обрушении стены, но позже, полежав некоторое время на стороне. И, может быть, не все сразу, что подтверждается и тем, что между обломками блоков на всех уровнях встречались, но не скоплениями, а порознь, кости *домашних животных и рыб*. Здесь не было того сплошного толстого пласта чешуи, который фиксировался на северном участке раскопа 6 (раскопки 1987, 1988, 1990 гг.). Изредка в заполнении попадаются маленькие древесные угольки. Помимо кухонных остатков и также порознь среди фрагментов блоков залежали обломки кирпичей, калиптеров и керамид, плиток, из которых не удалось собрать ни одного целого экземпляра. В котлован они попадали явно в качестве мусора вместе с костями. Тут же фрагменты горшков, не в полном составе обломки серолощеного кувшина и красноглиняного сосуда, обломок амфоры. Ясно, что и они попали сюда в качестве мусора. Кутвари жилища они не имели отношения. Впервые на раскопе 7 попались две уже известные в крепости железные пластинки с заклепками. На полу не оказалось ни одного предмета, который принадлежал бы самим обитателям жилища. Вероятно, перед уходом они собрали буквально все имущество. Не имеют грубых повреждений ни стенки котлована, ни пол.

В целом юртообразное жилище № 50 ничем не отличается от других в крепости, кроме одной особенности: оно примыкает к внутреннему фасу восточной крепостной стены и лежит на одном с ним уровне. Это можно было бы принять за случайность, но в таком же положении — вплотную к внутреннему фасу той стены — сооружены еще два жилища (№ 43, 44 на раскопе 6) (Флёров, 1994. С. 493. Рис. 2, 2). Три жилища в указанном положении — уже не случайность и позволяют вернуться к версии автора статьи о том, что они принадлежат населению крепости, а не жителям более раннего поселения, якобы существовавшего на ее месте, что предполагала в последний период своего научного творчества С.А. Плетнёва (1996). Окончательно проблема раннего поселения, возможно, решится раскопками с внешней стороны восточной стены крепости на северо-во-

³ Слепыши и в настоящее время живут на городище. Автор сам наблюдал, как они выталкивают грунт на поверхность из предназначенного для этого наклонного хода.

стоке городища, если и эта часть городища к тому времени не обрушится.

Погребок из сырцовых кирпичей находится в кв. 13, менее чем в 2 м к ССВ от жилища № 50 и менее чем в 0.5 м от внутреннего фаса восточной крепостной стены, длинной осью почти параллельно ей (рис. 6, 1). Данные обстоятельства позволяют предполагать (не более) одновременность погребка и жилища или незначительность hiatusа между ними, что подтверждается и идентичным составом находок в заполнении.

Первоначально была выкопана прямоугольная яма размерами 1.80 × 1.30 м и глубиной 1.35 м от зафиксированного края, а от подошвы основания крепостной стены около 1.50 м. Затем три ее стенки тщательно обложили плотными сырцовыми кирпичами на грязевом растворе. Южная короткая стенка осталась без облицовки. В итоге внутреннее пространство сократилось до 1.20 × 0.65 м, объем — до 1 м³.

Пол суглинистый, так как яма прорезала слой эпохи бронзы и вышла на этот подстилающий его массив. Сверху в западном углу погребка округлая выемка 45 × 60 см в плане, полого спускающаяся на глубину 35 см. Вероятное ее назначение — место спуска и подъема из погребка, вход.

Верхние кирпичи лежали ниже основания плит крепостной стены примерно на 25 см. Остается полагать, что кирпичная кладка до самого верха погребка не доходила. В целом же стратиграфическая увязка основания крепостной стены и погребка осталась не совсем ясной.

Сырцовые кирпичи чрезвычайно плотные, темные, зеленоватые, без растительной примеси. Думаю, их формовали из так называемой синей глины, пласти которой видны в основании обрыва на берегу водохранилища. Зафиксированы размеры кирпичей: 36 × 36; 36 × 28–27; 36–35 × 36–35 × 9–7 и его полуформатные — 36–35 × 18–17 × 8 см. Толщина горизонтальных швов из грязи достигала 3 см. Интересно, что в раствор дополнительно подсыпалась сухая ярко-красная глина.

Основа заполнения погребка сверху до пола — темная супесь, становящаяся все плотнее по мере углубления. Массив белого крошева блоков едва проникал в заполнение погребка в виде отдельных частиц. В отличие от жилища здесь совершенно не было крупных и даже мелких обломков блоков. Создается впечатление, что погребок заполнился в иных обстоятельствах, нежели жилище, при том, что они расположены в непосредственной близости (в пределах 2 м).

При различии в составе заполнения жилища и погребка находки в них одинаковы: обломки керамики, калиптеров, плиток, штукатурки, “кирпич” из известкового раствора с полосой охристого декора. Кости животных единичны. Не было костей рыб.

Сравнение состава находок в жилище № 50 и в погребке показывает, что заполнение в них формировалось одновременно, но в силу неясных обстоятельств оказалось по составу грунта разным.

У противоположных сторон погребка лежали половинки нижней челюсти овцы. Тщательная облицовка сырцовыми кирпичами, малый объем погребка говорят о его специфичном назначении (ср.: Плетнёва, 1994. С. 305).

Вымостка из кирпича и периодизация жилищ. Открытие в 2021 г. остатков наземного жилища в виде бесформенной вымостки из лежавших в один-два слоя обожженных кирпичей никак не предполагалось (рис. 7, 2). Неожиданным было встретить остатки жилища на кирпичной вымостке в одном горизонте с типичным для крепости юртообразным жилищем № 50. Возникшая проблема состоит в следующем. В первой же своей публикации о крепости И.И. Ляпушкин поставил вопрос о ее стратиграфии и соответственно периодизации крепости. В выделении им самого позднего этапа вымостки сыграли едва ли не ведущую роль: “Есть ли основание полагать, что после разрушения поселения третьего периода жизнь на городище не возобновлялась? Некоторые данные раскопок дают право заключить, что была сделана попытка вновь заселить городище. К числу их нужно отнести прежде всего наличие фрагментов различных вымосток из бывшего в употреблении кирпича, сложенных “насухо”, которые, безусловно, не могут быть отнесены ко второму периоду. Не вяжутся они с постройками третьего периода, так как есть случай перекрытия последних первыми” (Ляпушкин, 1940. С. 62). Разумеется, Ляпушкин не мог предполагать, что стратиграфические ситуации на разных участках крепости отличаются. Наш случай показал, что жилища юртообразные и с кирпичным основанием могут сосуществовать. В итоге возникала необходимость пересмотра не только периодизации жилищ по Ляпушкину, но и всех объектов в крепости. Тем не менее надо отдать должное пятистраничной работе И.И. Ляпушкина, поскольку в ней обозначены все те проблемы, которые придется решать еще не одному поколению исследователей крепости.

Строительные материалы и технологии византийского происхождения, обнаруженные в Правобережной Цимлянкой крепости, а также Семикаракорской крепости и Саркеле уже рассматривались мною во всей их совокупности: калиптеры и керамида, кирпичики фигурные из раствора известняка, краска, штукатурка, *opus mixtum* (Флёров, 2013. С. 474–502). Ниже краткие дополнения к той статье.

Технология изготовления *керамид* Правобережной крепости детально изучена Д.А. Моисеевым (2017. С. 146–165), но типология все еще нуж-

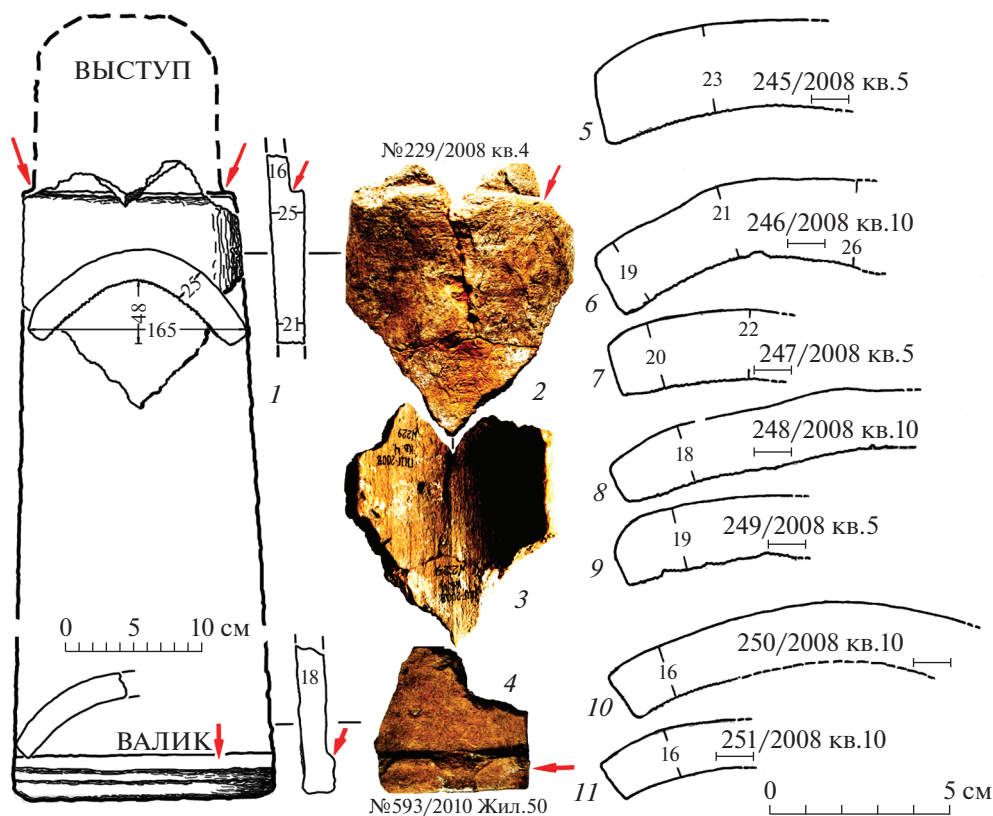

Рис. 8. Калиптеры Правобережной Цимлянкой крепости.

Fig. 8. Kalyptry of the right-Bank Tsimlyansk Fortress

дается в уточнении. Представление о полных ниже-донских формах керамид дают три почти целых экземпляра и две половинки из Семикаракорской крепости (Моисеев, 2015. С. 170–174. Рис. 1–6). Отличительный признак семикаракорско-правобережных керамид – отсутствие водосливных валиков, какие имели крымские керамиды этого времени.

Целые экземпляры *калиптеров* не найдены. Сделана попытка их реконструкции на основе трех фрагментов (рис. 8, 1–4). Особого внимания требует характерная особенность правобережных калиптеров, указывающая на несовершенство их изготовления – нескончаемое разнообразие поперечных профилей и колебание толщины (рис. 8, 5–11).

Недавно опубликованы аналогии ниже-донским керамидам и калиптерам, происходящие из городища “Бударка” в окрестностях г. Ставрополя в бассейне р. Егорлык (Ларенок, Завершинская, 2017. С. 153, 157). Не имея возможности увидеть их в оригинале, трудно судить, в какой мере они близки донским по технологическим признакам. Привезены ли из Семикаракорской или

Правобережной крепостей или изготовлены на месте?

С учетом работ 1987–1990 гг. вскрыто две трети восточной крепостной стены (рис. 1). Тем самым закончено исследование разрушаемого на наших глазах ее участка протяженностью, включая башню VI, около 95 м. Не следует, однако, забывать, что теперь процесс разрушения перекинулся на внутреннюю территорию крепости. Только по случайности мы успели раскопать жилище № 50 с соседним погребком и кирпичную вымостку. Что скрывается за длинной стенкой раскопа 7? Имеются в виду не только жилища, но весь комплекс керамики и вещей, в том числе датирующие и монеты.

К счастью, оставшейся северной трети восточной крепостной стены в ближайшие 10–15 лет разрушение не угрожает, но обрыв уничтожит этот ценнейший участок с внешней стороны ее самого северного отрезка. Результаты его раскопок могут ответить на вопрос о заселенности берегового склона, некогда полого спускавшегося к Дону, но уже несуществующего. Тем самым подойти к решению проблемы существования, отрицавшегося М.И. Артамоновым (теперь и авто-

ром статьи) предшествующего крепости поселения. Даже если жилищ за крепостной стеной не окажется, то могут быть найдены культурные отложения.

Обнаружение кирпичной вымостки в одном горизонте с жилищем № 50 открыло перспективу пересмотра периодизации жилищ. Но большое расстояние между ними, 15 м, оставляет некоторые сомнения в их полной синхронности. Следует дожидаться появления более четких стратиграфических ситуаций, в которых постройки будут накладываться одна на другую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аспарухов М.* Средневековни графити от Северозападна България. София: Национален археологически институт с музей – Българска академия на науките, 1984 (Интердисциплинарни изследвания; XI–XII). 314 с.
- Балабанов Т.* Разкопки на северната и източната крепостна стена в Плиска (1977–1978) // Плиска – Преслав. Т. 4. София, 1985. С. 117–131.
- Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1983. 168 с.: ил.
- Ларенок П.А., Завершинская М.П.* Городище “Бударка” // VII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар: Краснодарский музей-заповедник, 2017. С. 153–157.
- Лисицов С.* Графитни изображения и знаци върху източната крепостна куртина на Велики Преслав // Плиска – Преслав. Т. 4. София, 1985. С. 200–206.
- Ляпушкин И.И.* Раскопки Правобережного Цимлянского городища // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. Вып. IV. С. 58–62.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 62). С. 85–150.
- Михайлов С.* Археологически материали от Плиска (1948–1951 г.) // Известия на Археологически институт. Кн. XX. София, 1955. С. 49–182.
- Михайлова Т.* Рисунки по западната крепостна стена, сектор Север, Плиска // Плиска – Преслав. Т. 4. София, 1985. С. 79–90.
- Моисеев Д.А.* Технология производства строительной керамики из раскопок Семикаракорского городища (конец VIII – начало IX вв.) // Хазарский альманах. Т. 13. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. С. 156–179.
- Моисеев Д.А.* Морфология керамид Правобережного Цимлянского городища: к вопросу о связи с крымским и таманским производством черепицы // Хазарский альманах. Т. 15. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 146–165.
- Наханетян (Флёрова) В.Е.* Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // Советская археология. 1988. № 3. С. 91–105.
- Наханетян (Флёрова) В.Е.* Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс: материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 41–91.
- Овчаров Д.* Змията в сакралната символика на прабългарите // Проблеми на прабългарската история и култура. 3. Четвърта среща по прабългарската археология и история (Шумен, 17–19 септември 1996 г.). Шумен, 1997. С. 19–35.
- Плетнёва С.А.* Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище: труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984. С. 57–94.
- Плетнёва С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 271–396.
- Плетнёва С.А.* История одного хазарского поселения // Российская археология. 1996. № 2. С. 48–69.
- Раппопорт П.А.* Крепостные сооружения Саркела // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 75). С. 9–39.
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 441–516.
- Флёров В.С.* Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // Российская археология. 1996. № 1. С. 100–113.
- Флёров В.С.* Византийское в нижне-донских крепостях Хазарского каганата // *Ρωμοίος: сб. ст. к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Харьков: Майдан, 2013 (Нартекс. Byzantina Ucrainensis; т. 2). С. 474–502.
- Флёров В.С.* Работы на Правобережном Цимлянском городище в 2003–2006 гг. и процессы его разрушения // Хазарский альманах. Т. 17. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 100–113.
- Флёров В.С.* Плиты и колья в основании стен Правобережной Цимлянской крепости и экскурс по крепостям Первого Болгарского царства на Нижнем Дунае // Мир средневековья: познавая прошлое. М.: ИА РАН, 2021а. С. 217–234.
- Флёров В.С.* Ранние описания Правобережного Цимлянского городища // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника “Дивногорье”. Вып. 8. Воронеж, 2021б. С. 159–176.
- Флёров В.С.* Керамическая плитка Правобережной Цимлянской крепости и ее происхождение // Хазарский альманах. Т. 18. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021–2022. С. 210–224.
- Шкорпил К.* Знаки на строительном материале // Материалы для болгарских древностей. Абоба – Плиска. София: Державна печатница, 1905 (Известия Русского Археологического института в Константинополе; т. X). С. 250–271.

THE RIGHT-BANK TSIMLYANSK FORTRESS OF THE KHAZAR KAGANATE BASED ON THE 2006–2021 EXCAVATIONS

Valery S. Flerov^{a, #}

^a*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: valerij-flyorov@yandex.ru*

The right-bank Tsimlyansk settlement is a white-stone fortress doomed to destruction by the construction of the Tsimlyansk reservoir. The estimates of experts in bank transformation show that the fortress will disappear in the next 75 years, while the bank stabilization will take 200 years or longer. The paper presents the results of the 2006–2021 excavations along more than 56 m of the eastern fortress wall and in tower IV which were built from white limestone blocks laid on a base of shell rock and sandstone slabs. No wooden posts under the wall were found, as in the case of the southern corner of the fortress. The location of the tower corresponds to the 1743 plan by I. Satsyperov. Two options for its reconstruction are proposed. A unique feature of many blocks is the decoration in the shape of a straight and oblique grid. A number of building materials of Byzantine origin were found, including roof tiles and kalypers, as well as ceramic tiles. Another yurt dwelling (structure no. 50) typical for the fortress was uncovered. It is of fundamental importance that the dwelling adjoins the inner face of the fortress wall. Earlier, two more dwellings were found near the inner facade, but none has been found under the wall. This circumstance casts doubt on S.A. Pletneva's hypothesis unsupported by M.I. Artamonov about the existence of an earlier settlement on the site of the fortress.

Keywords: Khazar Khaganate, the Saltovo-Mayaki culture, the Lower Don, fortresses, yurt dwellings.

REFERENCES

- Asparukhov M.*, 1984. Srednevekovni grafiti ot Severozapadna B'lgariya [Medieval graffiti from Northwestern Bulgaria]. Sofiya: Natsionalen arkeologicheski institut s muzey – B'lgarska akademiya na naukite. 314 p. (Interdistsiplinarni izsledvaniya, XI–XII).
- Balabanov T.*, 1985. Excavations on the northern and eastern fortress walls in Plyska (1977–1978). *Pliska – Preslav [Pliska – Preslav]*, 4. Sofiya, pp. 117–131. (In Bulgarian).
- Bidzhev Kh.Kh.*, 1983. Khumarinskoe gorodishche [The Khumarinskoye fortified settlement]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie. 168 p.: ill.
- Flerov V.S.*, 1994. The right bank Tsimlyansk fortified settlement in the light of excavations in 1987–1988, 1990. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology, history and ethnography of Taurica]*, IV. Simferopol', pp. 441–516. (In Russ.)
- Flerov V.S.*, 1996. The right bank Tsimlyansk fortress (problems of planigraphy and stratigraphy). *Rossiyskaya arkeologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 100–113. (In Russ.)
- Flerov V.S.*, 2013. Byzantine features in the Lower Don fortresses of the Khazar Khaganate. 'Ρωμοῖος: sbornik stat'ey k 60-letiyu professora S.B. Sorochana [Ῥωμοῖος: Collected articles to the 60th anniversary of Professor S.B. Sorochan]. Khar'kov: Maydan, pp. 474–502. (Narteks. Byzantina Ukrainensis, 2). (In Russ.)
- Flerov V.S.*, 2020. Activities in the Right Bank Tsimlyansk fortified settlement in 2003–2006 and the processes of its destruction. *Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac]*, 17. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 100–113. (In Russ.)
- Flerov V.S.*, 2021–2022. Ceramic tiles of the Right Bank Tsimlyansk fortress and its origin. *Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac]*, 18. Moscow: Institut slavyanove-
- deniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 210–224. (In Russ.)
- Flerov V.S.*, 2021a. Slabs and stakes at the foundations of walls in the Right Bank Tsimlyansk fortress and an overview of fortresses of the First Bulgarian Empire in the Lower Danube region. *Mir srednevekov'ya: poznavaya proshloe [World of the middle ages: learning the past]*. Moscow: Institut arkeologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 217–234. (In Russ.)
- Flerov V.S.*, 2021b. Early descriptions of the Right Bank Tsimlyansk fortified settlement. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika "Divnogor'e" [Divnogorye collection: Transactions of the "Divnogorye" Museum-Reserve]*, 8. Voronezh, pp. 159–176. (In Russ.)
- Larenok P.A., Zavershinskaya M.P.*, 2017. The "Budarka" fortified settlement. VII *Anfimovskie chteniya po arkeologii Zapadnogo Kavkaza [VII Anfimov readings on the archaeology of the West Caucasus]*. Krasnodar: Krasnodarskiy muzey-zapovednik, pp. 153–157. (In Russ.)
- Lisitov S.*, 1985. Graffito images and signs on the eastern fortress curtain at Veliki Preslav. *Pliska – Preslav [Pliska – Preslav]*, 4. Sofiya, pp. 200–206. (In Bulgarian).
- Lyapushkin I.I.*, 1940. Excavations in the Right Bank Tsimlyansk fortified settlement. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, IV, pp. 58–62. (In Russ.)
- Lyapushkin I.I.*, 1958. The Saltovo-Mayaki sites in the Don River region. *Trudy Volgo-Donskoy arkeologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Volga-Don archaeological expedition]*, 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 85–150. (Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR, 62). (In Russ.)
- Mikhaylov S.*, 1955. Archaeological materials from Plyska (1948–1951). *Izvestiya na Arkeologicheski institut [Bulletin of the Archaeological Institute]*, XX. Sofiya, pp. 49–182. (In Bulgarian).

- Mikhaylova T., 1985. Drawings of the western fortress wall, northern sector, Plyska. *Pliska – Preslav [Pliska – Preslav]*, 4. Sofiya, pp. 79–90. (In Bulgarian).
- Moiseev D.A., 2015. Production technology of construction ceramics from the excavations of the Semikarakorsk fortified settlement (the late 8th – early 9th century AD). *KhazarSKIY al'manakh [Khazar almanac]*, 13. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 156–179. (In Russ.)
- Moiseev D.A., 2017. Morphology of roof tiles from the Right Bank Tsimlyansk fortified settlement: to the connection with the Crimean and Taman tile production. *KhazarSKIY al'manakh [Khazar almanac]*, 15. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 146–165. (In Russ.)
- Nakhapetyan (Flerova) V.E., 1988. Signs of builders on the stones of the Mayaki fortified settlement. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 3, pp. 91–105. (In Russ.)
- Nakhapetyan (Flerova) V.E., 1990. Graffito of the Mayaki fortified settlement. *Mayatskiy arkheologicheskiy kompleks: materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii [The Mayaki archaeological complex: Proceedings of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]*. Moscow: Institut arkheologii Akademii nauk SSSR, pp. 41–91. (In Russ.)
- Ovcharov D., 1997. Snake in the sacral symbolism of early Bulgarians. *Problemi na prab"lgarskata istoriya i kultura [Issues of early Bulgarian history and culture]*, 3. *Chetv"rta sreshcha po prab"lgarskata arkheologiya i istoriya (1996 g.) [Fourth Symposium on the early Bulgarian archaeology and history (1996)]*. Shumen, pp. 19–35. (In Bulgarian).
- Pletneva S.A., 1984. Murals of the Mayaki fortified settlement. *Mayatskoe gorodishche: trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii [The Mayaki fortified settlement: Proceedings of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]*. Moscow: Nauka, pp. 57–94. (In Russ.)
- Pletneva S.A., 1994. The Right Bank Tsimlyansk fortified settlement. Excavations of 1958–1959. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology, history and ethnography of Taurica]*, IV. Simferopol', pp. 271–396. (In Russ.)
- Pletneva S.A., 1996. History of one Khazar settlement. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 48–69. (In Russ.)
- Rappoport P.A., 1959. Fortification structures of Sarkel. *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Volga-Don archeological expedition]*, II. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 9–39 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 75). (In Russ.)
- Shkorpil K., 1905. Signs on construction material. *Materialy dlya bolgarskikh drevnostey. Aboba – Pliska [Materials for Bulgarian antiquities. Aboba - Plyska]*. Sofiya: Derzhavna pechatnitsa, pp. 250–271. (Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole, X). (In Russ.)